

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Серию «Политическая наука» издательско-образовательно-го проекта «Навигатор» продолжает книга современного израильского историка Мартина ван Кревельда «Расцвет и упадок государства», первоначально вышедшая на английском языке в 1999 г. Этот автор уже знаком русскоязычному читателю по книге «Трансформация войны», вышедшей в прошлом году в рамках нашего проекта (в серии «Военная мысль»). В новой книге он убедительно демонстрирует, что процесс происходящей в наше время «трансформации» не ограничивается военной сферой, но затрагивает всю совокупность общественно-политических институтов человечества, получивших развитие в тот относительно недавний период истории, который принято называть Новым временем.

Институт государства (*state*), как он существует в наше время, обладает целым рядом свойств, которые мы считаем само собой разумеющимися. Государство является корпорацией, т.е. обладает собственным юридическим лицом, отличным от личности правителей; включает в себя правительственный аппарат и совокупность граждан (подданных), но не совпадает ни с тем, ни с другими; имеет четко определенные границы и существует только при условии признания другими государствами и т.д. Но такого рода институт — довольно позднее явление в истории человечества, и нет никаких оснований считать его вечным. В своей книге Мартин ван Кревельд на основе богатого исторического материала описывает процесс зарождения, вызревания и расцвета государства-корпорации.

Значительная часть книги посвящена кризису этого института, происходящему на наших глазах. Причины этого кризиса, по мнению автора, в конечном итоге сводятся к потере государством легитимности ввиду его неспособности исполнять взятые на себя обязательства по поддержанию правопорядка, защите от внешних угроз и обеспечению населения «социальными благами». Упадок государства может в обозримом будущем привести к радикальной трансформации всего современного мира.

Разные страны, народы, социальные группы и территории, утверждает М. ван Кревельд, по-разному переживут эту трансформацию. Для одних могут открыться возможности для беспрецедентного развития и процветания, других ожидает стагнация, а третьих — деградация и жалкое существование. Если автор прав, — а его аргументы представляются весьма убедительными, — то возможность попадания в первую группу зависит в том

числе и от своевременного осмысления происходящих процессов. Именно поэтому редакционный совет проекта счел целесообразным выпуск настоящего издания на русском языке для читателей, живущих в России и других постсоветских странах.

При чтении представляемого вашему вниманию русского перевода необходимо иметь в виду следующее.

Первое замечание касается перевода английских терминов *state* и *government*. Хотя принято перевести их соответственно как *государство* и *правительство*, общеизвестно, что такой перевод не вполне отражает содержание соответствующих понятий. Под правительством носители русского языка обычно понимают исполнительную ветвь власти, по крайней мере если речь идет о современном государстве. В английских текстах термин *government* гораздо шире, и им обозначается аппарат власти и управления в целом, т.е. включая другие ветви; поэтому зачастую *government* следует переводить как государство (например, в таких словосочетаниях, как *governmental regulation* — «государственное регулирование», и т.п.), а также власть, властный аппарат, правление и т.п. Наоборот, английское *state* обозначает сущность, гораздо более абстрактную, чем обозначается русским словом *государство*.

Более того, автор данной книги использует слово *state* в еще более узком смысле, а именно для обозначения конкретной исторической разновидности политической организации общества, возникшей в Европе лишь в Новое время.

Принимая во внимание сказанное выше и во избежание недопониманий на протяжении всего текста настоящего перевода русское слово *государство* означает только абстрактное государство-корпорацию Нового времени.

Второе замечание относится к имеющемуся в книге аппарату библиографических ссылок. Как правило, при наличии русского перевода той или иной работы, мы по возможности заменяли ссылки на иноязычные издания ссылками на русский эквивалент. Однако в ряде случаев из-за особенностей перевода возникали смысловые разночтения между русскоязычным и иноязычным вариантом. В этих случаях мы оставляли ссылку на то издание, на которую ссылается автор, либо снабжали ее редакционным комментарием.

Мы надеемся, что русское издание книги М. ван Кревельда «Расцвет и упадок государства» сыграет свою роль в идущих ныне дискуссиях о перспективах глобального и национального развития.

*Валентин Завадников,
Председатель редакционного совета
проекта «Навигатор»
Июль, 2006 г.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
1. ДО ГОСУДАРСТВА: от ДОИСТОРИЧЕСКИХ ВРЕМЕН до 1300 г. н.э.	11
<i>Племена без правителей</i>	12
<i>Племена с правителями (вождества)</i>	22
<i>Города-государства</i>	34
<i>Империи сильные и слабые.</i>	51
<i>Ограничения безгосударственных обществ</i>	72
2. ЗАРОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА: 1300—1648 гг.	81
<i>Борьба против церкви</i>	84
<i>Борьба против Империи</i>	100
<i>Борьба против аристократии.</i>	114
<i>Борьба против городов</i>	132
<i>Триумф монархов</i>	149
3. ГОСУДАРСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ: 1648—1789 гг.	159
<i>Создание бюрократии</i>	161
<i>Создание инфраструктуры</i>	180
<i>Монополизация насилия.</i>	195
<i>Развитие политической теории</i>	212
<i>Внутри Левиафана.</i>	229
4. ГОСУДАРСТВО КАК ИДЕАЛ: 1789—1945 гг.	235
<i>Великая трансформация</i>	238
<i>Муштра народа</i>	255
<i>Покорение денег</i>	277
<i>Путь к тотальной войне</i>	300
<i>Апофеоз государства</i>	319
5. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ГОСУДАРСТВА: 1696—1975 гг.	325
<i>Восточная Европа</i>	326
<i>Англосаксонский опыт</i>	347
<i>Латиноамериканский эксперимент</i>	366
<i>Провал в Азии и Африке</i>	387
<i>То, что есть у каждого...</i>	407

6. УПАДОК ГОСУДАРСТВА: 1975 г. —	413
<i>Отмирание большой войны</i>	415
<i>Отступление «государства всеобщего благосостояния»</i>	435
<i>Технологии становятся международными</i>	463
<i>Угроза внутреннему порядку</i>	482
<i>Утрата веры</i>	499
ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ПОСЛЕ ГОСУДАРСТВА	509
ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	517

ПРЕДИСЛОВИЕ

Государство, бывшее с середины XVII в. самым значимым и характерным институтом в современном мире, переживает упадок. Повсеместно — от Западной Европы до Африки — многие существующие государства вольно или невольно либо объединяются в более крупные союзы, либо распадаются. Независимо от того, распадаются они или объединяются, уже сейчас многие их функции перехватываются различными организациями, которые, какой бы ни была их природа, определенно не являются государствами.

Если рассуждать глобально, мировая система движется от соборания отдельных, территориально целостных, суверенных, юридически равных государств к иным, более иерархичным и во многих отношениях более сложным структурам. Что касается отдельных государств, есть весомые причины считать, что многие из них скоро либо не захотят, либо не смогут контролировать и охранять политическую, военную, экономическую, социальную и культурную жизнь своих граждан в той степени, в которой это осуществлялось до сих пор. Ясно без слов, что все эти изменения затрагивают каждого человека, живущего сейчас на планете. В некоторых местах изменения пройдут мирно, но в других они приведут (и на самом деле уже приводят) к потрясениям столь же глубоким и, возможно, столь же кровавым, как и те, которые сотрясали человечество при переходе от Средних веков к современному миру. Будут ли изменения желательными, как надеются одни, или нежелательными, как боятся другие, нам еще предстоит увидеть.

В этой работе я попытаюсь заглянуть в будущее государства, изучая его прошлое: предысторию формирования государства, его рост, созревание, апофеоз и пути распространения по всему миру. В главе 1 рассказывается о периоде (фактически охватывающем большую часть письменной и в особенности дописьменной истории), когда не существовало государства и, по крайней мере первоначально, даже правительства как организованной власти, которую одни лица осуществляют в отношении других. Глава 2 охватывает период от примерно 1300 г. (расцвет христианского мира — *Res Publica Christiana*) до 1648 г. (Вестфальский договор). В ней показывается, как государство поднялось из Средних веков, одержав победу в борьбе с церковным и имперским универсализмом, с одной стороны, и с феодальным и городским партикуляризмом — с другой. В главе 3 повествование продолжается, охватывая период от 1648 г. до эпохи Французской революции. Этот период привел к отделению государства от «гражданского

общества» и к созданию многих наиболее характерных для государства институтов, включая бюрократию и ее статистическую инфраструктуру, вооруженные силы, полицейский аппарат и тюрьмы. В главе 4 объясняется, как государство, открыв для себя силу национализма, впервые провозглашенного Мезером, Гердером и другими, превратилось из инструмента поддержания правового порядка в светское божество. Речь пойдет о том, как, накопив предельную мощь путем завоевания контроля над умами своих граждан и систематического облегчения их кошельков, государства использовали эту силу, чтобы столкнуться друг с другом (1914—1915) и воевать в таких масштабах и с такой убийственной энергией, которая практически подвела их к грани самоуничтожения. В главе 5 описывается распространение института государства от места его первоначального бытования в Западной Европе на другие части земного шара, включая Восточную Европу, британские колонии в Северной Америке и Австралии, испанские и португальские колонии в Латинской Америке и, наконец, страны Азии и Африки. Последняя по порядку, но не по важности, глава 6 посвящена силам, которые в настоящее время подрывают государства по всему миру и которые, скорее всего, уже при жизни нынешнего поколения приведут многие государства к краху (как в случае с Югославией), к частичному отказу от суверенитета и к интеграции с другими государствами (как в Европе) или к децентрализации и ослаблению контроля над гражданами (если бы, например, республиканская партия осталась верной своему «Договору с американским народом» 1994 г.).

Как легко заметить, втиснуть столь обширную тему в одну книгу было очень непростой задачей. Тем, что я вообще смог это сделать, я прежде всего обязан моей спутнице жизни, Дворе Леви. Она была вынуждена выдерживать мои постоянные приступы черного отчаяния, и если бы не ее неустанная поддержка и преданность, эта работа никогда не была бы закончена. Я также хочу поблагодарить профессоров Габриэля Германа и Бенямина Кедара из Иерусалимского еврейского университета за частичное или полное прочтение моей работы, ее обсуждение со мной, внесение предложений и указание на ошибки, которые в противном случае ускользнули бы от меня. И главным образом я хочу выразить свою признательность моим приемным детям, Ади и Ионану Леви, за то, что все эти годы они были со мной. Эту книгу я с любовью посвящаю им.

1. ДО ГОСУДАРСТВА: от ДОИСТОРИЧЕСКИХ ВРЕМЕН до 1300 г. н.э.

Существует множество определений понятия «государство». В данной работе я не претендую на единственно верное понимание этого термина, просто такое определение является наиболее удобным для наших целей. Итак, государство (*state*) — это *абстрактная* сущность, которую нельзя увидеть, услышать или потрогать. Эта сущность не идентична правителям или подданным: ни президент Клинтон, ни гражданин Смит, ни даже собрание всех граждан, действующих сообща, не могут претендовать на то, что они *являются* государством. С другой стороны, государство включает в себя их всех и претендует на то, чтобы стоять над всеми ними.

Иными словами, государство, будучи отделено и от его членов, и от его правителей, является корпорацией, так же как *inter alia** ими являются университеты, профсоюзы и церкви. Как и любая корпорация, оно имеет своих директоров, служащих и пайщиков. Самое главное — государство является корпорацией в том смысле, что оно выступает юридическим лицом (*persona*), из чего следует, что оно имеет права и обязанности, а также может заниматься различными видами деятельности, *как если бы* оно являлось живым существом из плоти и крови. Государство отличается от других корпораций тем, что оно, во-первых, санкционирует все корпорации, но само получает санкцию (признание) исключительно со стороны других образований той же природы, что и оно само; во-вторых, определенные функции (известные в обществе как атрибуты суверенитета) могут выполняться только им самим; и в-третьих, оно осуществляет эти функции на определенной территории, где его полномочия эксклюзивны и всеобъемлющи.

Государство, понимаемое таким образом, как и корпорация, частным случаем которой оно является, — это сравнительно недавнее изобретение. На протяжении большей части истории, и особенно доисторического периода, существовали правительства, но не государства; на самом деле идея государства как корпорации (в противоположность просто группе, собранию или сообществу

* Между прочим (*лат.*). — *Прим. пер.*

людей, объединившихся и живущих по общим законам) в то время не была известна. Эти догосударственные политические сообщества, возникавшие в столь разных цивилизациях, как Европа, Ближний Восток, Центральная и Южная Америка, Африка и Восточная Азия, отличались большим многообразием, тем большим, что они нередко вырастали друг из друга, завоевывали друг друга и сливались друг с другом, производя бесконечное множество форм, по большей части гибридных. Тем не менее, упрощая и опуская множество промежуточных типов, эти образования можно разделить на следующие классы: 1) племена без правителей, 2) племена с правителями (вождества (*chiefdoms*))¹, 3) города-государства, 4) империи (сильные и слабые).

Племена без правителей

Племена без правителей, также называемые сегментарными или ацефальными («безглавыми») обществами, представлены некоторыми известными нам простейшими сообществами. До того, как колонизация земель белым человеком привела к их уничтожению, во многих частях света встречались так называемые групповые (*band*) сообщества, как то: австралийские аборигены, эскимосы Аляски, Канады и Гренландии и бушмены Калахари. Другие сообщества, о которых здесь пойдет речь, были несколько крупнее и их политическое устройство было несколько более сложным. К ним относятся некоторые восточно-африканские нильские племена, такие как ануаки, динка, масаи и нуэры, получившие известность благодаря антропологическим исследованиям Эванса-Притчарда², обитатели высокогорий Новой Гвинеи и Микронезии и большинство индейских племен (хотя и не все племена) Северной и Южной Америки.

Основной их общей чертой являлось то, что «правительство» начиналось и заканчивалось в пределах большой семьи, рода или клана. Вышестоящими были исключительно мужчины, старшие или родители, включая родителей мужа или жены («начальни-

¹ Проводя разделение на племена без правителей и вождества, я слеую работе: M. Forte, E. E. Evans-Pritchard, eds., *African Political Systems* (Oxford: Oxford University Press, 1940). Другие классификации племенных сообществ см. в работах: E. R. Service, *Origins of the State and Civilization* (New York: Norton, 1975); T. C. Llewellyn, *Political Anthropology: An Introduction* (South Hadley, MA: Bergin and Garvey, 1983).

² Эванс-Притчард Э.Э. Нуэры. М.: Наука, 1985. Это, возможно, самое полное и благожелательное описание племени без правителей.

ками» могли быть родственники любого пола в зависимости от того, отправлялась невеста жить в семью жениха или наоборот), а подчиненными были женщины, младшие и дети (включая зятя и невестку). Таким образом, вся власть, все права и обязанности, короче говоря, все социальные взаимоотношения, которые были институализированы и выходили за рамки дружбы, определялись исключительно в пределах рода. Родство играло столь важную роль в формировании структуры общества, что в тех случаях, когда не существовало настоящих родственных связей между его членами, вместо них изобретались фиктивные и ставились ему на службу. Люди либо усыновляли друг друга, либо создавали вид псевдокровной связи, известной как гостевая дружба, при которой люди относились друг к другу как братья. В племени нуэров эта система была разработана до такой степени, что женщина могла в определенных целях «считаться» мужчиной³.

В пределах родовой группы позиция индивида по отношению ко всем остальным очень четко определялась его полом, возрастом и семейным положением. Напротив, те, кто по той или иной причине не были окружены сетью родственников (например, чужаки из других племен или во многих местах — незамужние матери), оказывались в маргинальном положении в обществе или изгоями, не обладающими вообще никаким положением. Великолепный пример нам дает библейская история о Руфи. Руфь, по рождению моавитянка, вышла замуж за израильтянина, который поселился в ее родной стране. После смерти мужа вдова вместе со свекровью Наоми покинула Моав и отправилась в Израиль. Однако до тех пор, пока она не была признана и интегрирована в семью своего мужа, выйдя замуж еще раз за одного из его родственников, ее положение оставалось крайне уязвимым. Она не только была низведена до положения попрошайки, но как одинокая женщина могла быть подвергнута любым оскорблениям и унижениям по прихоти окружающих.

Ввиду отсутствия какой-либо институализированной власти кроме той, которая существовала в пределах большой семьи, племени, о которых мы говорим, были эгалитарными и демократическими. Каждый взрослый мужчина считался (и считал сам себя) равным всем остальным; ни у кого не было *права* приказывать другим, судить других или требовать выплат от кого бы то ни было. «Общественные» или «публичные» задачи, т.е. те, которые выходили за рамки возможностей одной семейной группы, — такие как отправление религиозных обрядов, охота на крупную дичь, рыбалка в открытом море, вырубка леса и, как мы вскоре увидим,

³ E. E. Evans-Pritchard, *Kinship and Marriage Among the Nuer* (Oxford: Clarendon Press, 1951), p. 180–189.

ведение войны — осуществлялись не правителями и управляемыми, а предводителями и их последователями⁴. Действующими военными единицами были так называемые воинские братства или мужские союзы. Во многих обществах, хотя и не во всех, каждое братство имело собственные тотемное животное, символ и священные атрибуты, такие как музыкальные инструменты, маски, праздничные одежды и т.д. Люди верили, что эти предметы или, по меньшей мере инструкции по их производству, были даны им богами. Предметы хранились под стражей в специально отведенных местах, и часто считалось опасным, если посторонние, особенно женщины и дети, дотрагивались до них или даже просто смотрели на них⁵.

Принадлежность к братству не зависела от свободного выбора человека, но передавалась по наследству. Каждые несколько лет проводилась церемония: старики уходили, а на их место приходили молодые, по большей части связанные друг с другом узами родства. Они занимали свое место в братстве, пройдя через определенные ритуалы⁶. Внутри каждого братства руководящая роль обычно передавалась от отца к сыну. Тем не менее хорошее происхождение мало помогало, если человек не обладал необходимым набором личных качеств. Среди них — определенный возрастной ценз, красноречие, храбрость, опыт и, возможно, самое важное — подтвержденное на практике умение совершать различные действия, которые составляют *raison d'être** братства. Во многих обществах в этот список также входила репутация человека, владеющего магией, например, способность магически привлечь дичь в нужный момент и тем самым обеспечить хороший охотничий сезон.

В племени как сообществе не существовало права как свода правил, созданного людьми (и следовательно, подверженного изменениям), формально утвержденного и предписывающего людям и группам определенное поведение. Вместо этого мы находим обычаи: неопределенное количество неписаных правил, часть которых имеет своим источником религию, а другая часть — магию.

⁴ Ранние германские племена описывали такие взаимоотношения довольно точным словом, называя тех, кто подчинялся вождю, его *gefolgschaft* (буквально: «последовательство»). См.: Н. Mitteis, *The State in the Middle Ages* (Amsterdam: Elsevier, 1974), p. 11.

⁵ См. в качестве примера Y. Murphy and R.P. Murphy, *Women of the Forest* (New York: Columbia University Press, 1974), p. 92—95.

⁶ Информацию о системах возрастных групп см. в работе: В. Bernhardt, *Age-Class Systems: Social Institutions and Politics Based on Age* (London: Cambridge University Press, 1985).

* Смысл, разумное основание (франц.). — Прим. пер.

Эти правила охватывали все стороны жизни — от сексуальной морали до раздела наследства. Современного разделения публичной сферы (регулируемой правом) и частной (где предполагается, что люди свободны поступать, как им заблагорассудится, будь то введение хозяйства или составление завещания) не существовало. Например, обычай диктовал, что юноша *обязан* пройти необходимые инициационные ритуалы и претерпеть соответствующие страдания, чтобы приобрести статус взрослого мужчины, вступить в воинское братство, к которому принадлежали другие члены его семьи, и получить право на вступление в брак. Молодожены были *обязаны* поселиться вместе с семьей жениха или же с семьей невесты. Калым *должен* был быть разделен между всеми мужчинами, входящими в семью невесты, каждый из которых имел право на свою долю.

Ввиду отсутствия государства как юридического лица, против которого могло быть совершено преступление, не существовало и разделения между уголовным и гражданским правом. Действительно, неоднократно говорилось, что в таких обществах существует деликт*, но не существует преступления⁷. Тем не менее гражданское правонарушение могло быть направлено не только против людей, но и против духов предков и различных божеств, которым поклонялась данная группа, — например, в таких случаях, как инцест или святотатство. Божествами были невидимые и, как правило, злобные существа, обитающие в воздухе и принимающие вид ветра, молнии и облаков; или же они могли воплощаться в камнях, деревьях, ручьях и других предметах. Какой бы ни была их форма или избранное место обитания, они хотели, чтобы их права уважали. Если им была нанесена обида, они могли отомстить: наслать засуху, болезни или бесплодие не только на виновного, но и на всех его родственников или просто на любого другого человека.

Хороший пример того, как это было устроено, опять предоставляет Библия, на сей раз в книге Левит, которую можно воспринимать как кодификацию ранних племенных обычаев. Большая часть книги посвящена «нечистоте», особенно (хотя и не только) нечистоте сексуального характера — менструации, преждевременной эякуляции и тому подобным явлениям. За каждым предписанием следует указание, как в случае нарушения его нужно искупать, и объяснение, что Господь ревностно следит за такими

* Гражданское правонарушение (лат.). — Прим. ред.

⁷ Интереснейшее обсуждение этого вопроса см. в работе: H.I. Hogbin, *Law and Order in Polynesia: A Study of Primitive Legal Institutions* (London: Christopher's, 1934), особенно в главе 4; L.K. Popisil, *Karauku Papuans and Their Law* (New Haven, CT: Yale University Press, 1958).

вещами и не потерпит нечистоты в Своем народе. Небольшие нарушения не влекли за собой серьезного наказания и устранялись индивидуальным применением таких средств, как временная изоляция от общины, очищение, молитва и принесение жертвы. Однако серьезные грехи, такие как инцест, назывались *tevel* (мерзость). Они влекли за собой смертную казнь, обычно через сожжение, или, как вариант, в тексте говорится, что преступника следует «отрезать» от его народа (что означало уничтожение). Таким образом, хотя уголовного права как отдельной категории не существовало, определенные действия считались вредоносными и не только для людей, но и для Бога, а через Его гнев — для всей общины, поэтому, если не предпринять соответствующих мер, они могли иметь тягчайшие последствия.

Как показывает этот пример, племенные обычаи иногда нарушались, а не воспринимались как присущие природе вещей и соблюдаемые автоматически⁸. В более простых «групповых» (*band*) обществах в подобных случаях глава дома рассматривал и решал дело, в то время как у более развитых восточно-африканских скотоводов и северо-американских индейцев эту роль брал на себя деревенский совет. Совет состоял из старейшин — не просто пожилых людей, а тех, кто прошел определенные ритуалы, дающие им право на их положение. Считалось, что люди, прошедшие эти ритуалы, приближены к духам и являются хранителями коллективной мудрости общины. И даже в этом случае принадлежность к соответствующей возрастной группе сама по себе не давала человеку права выступать на совете; каждый член совета должен относиться к числу старших по возрасту, но не каждый старший мог быть членом совета или, если он даже им был, не каждый мог претендовать на внимание. Для того чтобы стать «старшим с правом голоса», он должен был иметь репутацию человека благочестивого и мудрого, а также он должен был продемонстрировать особые успехи в поддержании мира среди членов его собственной семьи. Как говорят в суданском племени берти, «тот, кто не может укрепить ограду своего загона, не должен пытаться укрепить ее у соседа»⁹.

Инициатива сбора совета принадлежала сторонам, вовлеченным в спор, или еще чаще — одному из их родственников, забивших тревогу и ставших созывать родню на помощь. Собираясь в назначенном месте (часто в тени священного дерева), совет

⁸ См.: Малиновский Б. Преступление и обычай в обществе дикарей // Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. М.: РОССПЭН. 2004. С. 211—334.

⁹ L. Holy, *Neighbors and Kinsmen: A Study of the Berti People of Darfur* (London: Hurst, 1974), p. 121.

выслушивал непосредственных участников конфликта, а также свидетелей, в качестве которых привлекались их родственники. В случае причинения невидимого вреда (т.е. когда существовало подозрение, что неприятность имела причину в колдовстве), для того чтобы найти виновного, призывался прорицатель, после чего обвиняемого или подозреваемого заставляли пройти испытание — выпить яд или опустить руку в кипящую воду — чтобы определить его или ее вину¹⁰. Межличностные разногласия (вплоть до убийства) улаживались преимущественно путем осуществления возмездия (зуб за зуб, око за око), возмещения убытков или компенсации. В последнем случае расценки диктовались обычаем: столько-то за смерть или ранение мужчины, столько-то за женщину или за юношу. Все это, правда, имело силу, только если человек посягнул на человека из другого рода или клана; за нанесение вреда члену своего рода платы не полагалось.

Поскольку у старейшин не было централизованной исполнительной или полицейской власти, единственной санкцией, имевшейся в их распоряжении, была способность убедить членов группы соблюсти их указания и привести в исполнение решение совета. На деле решающее значение имело личное положение человека и количество родственников, которых можно было позвать на помощь: так же как и во всех других обществах, сильные и влиятельные люди могли выпутаться из той ситуации, в которой слабые и не имеющие связей имели неприятности. В маленьком, тесно сплоченном сообществе, где все хорошо друг друга знали, было не так уж сложно поддерживать дисциплину и при необходимости наказывать отдельных индивидов. Однако предпринимать подобные меры против лиц, имеющих многочисленную родню, готовую постоять за своего родича, было не так просто, поскольку это могло легко привести к разделению группы на враждебные лагеря, к междоусобице, за которой следовал распад. Опять же, примеры тому можно привести найти в Библии: в книге Судей описывается, как попытка наказать членов колена Вениаминова за надругательство над женщиной привела к полномасштабной гражданской войне.

Отсутствие централизованной власти также определяло форму и природу еще одного вида деятельности, обычно ассоциирующегося с государством, а именно — ведения войны¹¹. В некоторых

¹⁰ Классический разбор предсказаний и ритуала см. в работе: E.E. Evans-Pritchard, *Witchcraft, Oracles and Magic Among the Azande* (Oxford: Clarendon Press, 1976)

¹¹ Лучшая работа по этой теме: H. Turney-High, *Primitive War: Its Theory and Concepts* (Columbia: University of South Carolina Press, 1937).

изолированных и менее развитых обществах эта функция едва ли существовала; вместо войны происходили ритуализированные схватки между индивидами с использованием тупого оружия или вообще без него. Так было у австралийских аборигенов, где соперники сражались друг с другом с палками в руках. То же самое относится к эскимосам, у которых две стороны обменивались насмешливыми песнями перед общественным собранием до тех пор, пока одна или вторая не уступала, после чего ее соперник провозглашался победителем. Но большинство обществ, особенно в Восточной и Центральной Африке, в Новой Гвинее, Микронезии и Южной и Северной Америке, не удовлетворялось такими дружелюбными столкновениями между своими. Используя воинские братства в качестве организационной основы, они совершали набеги против членов других кланов, родов или племен, которые мало отличались от актов кровной мести.

Самой важной целью войны было отомстить за физические увечья, за нанесение ущерба собственности (например, домашнему скоту или огородам), за оскорбление чести и за воровство (включая похищение или соблазнение женщин). Другой целью был захват добычи, которая, опять же, включала не только вещи, но и женщин, достигших брачного возраста, и детей, которых можно будет ввести в собственный род и тем самым усилить его. От Папуа и Африки до Северной и Южной Америки огромное значение имели символические трофеи, которые приносила война: уши, скальпы, головы врага и т.п. После того как эти трофеи высушивали, коптили или солили, их можно было либо носить на себе, либо украсить ими свое жилище. Как и в более развитых обществах, человек, обладающий такими символами, мог обменять их на общественное положение, на сексуальную благосклонность, на семейные союзы и на товары. Поэтому роль, которую война играла в жизни людей, часто была очень велика: и латинское слово *populus* и германское *folk* изначально означали и «народ» и «армию». Среди индейцев североамериканских равнин мужчин называли «храбрецами», а в библейской книге Исход понятие «член войска» было синонимом понятию «взрослый мужчина». В отсутствие централизованного института принятия решений войну как таковую можно было бы определить не столько как осознанный политический акт, сколько как характерный вид деятельности взрослых мужчин в отведенный для этого период времени, если они не были заняты чем-то еще¹².

¹² О том, как этот принцип работал в одном крайне воинственном обществе, и о его значении для человечества в целом см.: N. Chagnon *Yanomano: The Fierce People* (New York: Holt, Rinehart and Winston, 1983 edn.).

Вместе с тем, именно из-за того, что каждый взрослый мужчина был воином, военная структура ограничивалась группами для совершения набегов. Ни в коем случае не следует понимать братства как постоянные, специализированные вооруженные силы или даже как народное ополчение. Это были просто союзы мужчин, большую часть времени пребывавшие в спячке, но пробуждавшиеся к жизни, когда этого требовали обстоятельства, и когда лидеру удавалось убедить своих последователей, что есть повод для сражения. Нередко группы, совершающие набеги, могли содержать сами себя на протяжении недель и преодолевать огромные расстояния, чтобы затруднить преследование. Они так же могли наказывать своих членов, ломая их оружие (тяжелое оскорбление), применяя телесные наказания или даже приговаривая к смерти. Но когда боевые действия заканчивались, братства неизменно распускались, и вожди лишались своей власти. Например, так было в племенах чероки с их так называемыми красными вождями, так же было у пуэбло, дживаро, динка и масаи¹³. Ни в одном из этих обществ не существовало системы ренты, дани или налогов, которые приводили бы к перераспределению богатства и тем самым — к появлению класса людей, у которых было бы достаточно досуга, чтобы они могли обучаться войне и вести войну в качестве основного занятия.

В некоторых обществах, например у бушменов, институционализированная религия почти не играла никакой роли, и каждый глава дома одновременно являлся жрецом. Однако в большинстве случаев общество признавало религиозным лидером шамана, пророка или жреца, чья власть выходила за пределы отдельного рода. Вопреки мнению Карла Маркса, основное отличие человека от животного состоит не в том, что человек занимается производством средств к существованию¹⁴, а в том, что человек понимает идею инцеста, пусть даже соответствующий запрет иногда и нарушается. Во всем мире неизвестно ни одного случая, чтобы в родовых группах, в которых люди проводили большую часть своей жизни, существовал обычай заключать браки между собой. Напротив, они искали себе партнеров в других подобных группах, как правило, имеющих с ними родственную связь, но не слишком близкую.

¹³ О подобных военных организациях см.: P. Clastres, *Society Against the State* (Oxford: Blackwell, 1977), p. 177–180, P. Brown, *Highland People of New Guinea* (London: Cambridge University Press, 1978), J.G. Jorgensen, *Western Indians: Comparative Environments, Languages, and Culture of 172 Western American Indian Tribes* (San Francisco: Freeman, 1980)

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 19.

Кроме того, божества требовали от людей поклонения, угрожая в противном случае наслать несчастья. В Австралии, Африке и Америке два этих социальных фактора обуславливали необходимость периодически проводить собрания или праздники. В зависимости от своей религиозной значимости и от количества привлеченных людей праздник мог длиться от трех дней до двух недель. На время празднества провозглашалось перемирие, и царил мир, т.е. не проводились набеги друг на друга, что позволяло членам различных кланов собраться вместе для молитвы, жертвоприношения, совместной трапезы, общения и обмена женщинами (на постоянной основе, т.е. для заключения браков, или на временной, при более свободных общественных нравах) и другими подарками. В дополнение к практической и религиозной функциям праздник также давал людям возможность укрепить свое коллективное единство в качестве общины. То же самое происходит и в других обществах вплоть до сегодняшнего дня.

Ведущий празднества обязательно был мужчиной, хотя и мог использовать женщин в качестве помощниц при выполнении своих обязанностей. Его положение можно описать как сочетание роли мудреца, пророка и верховного жреца. По происхождению он должен был принадлежать роду, который по традиции считался самым приближенным к главному божеству племени. Чтобы занимать такое положение, необходимо было хорошо знать традиционные племенные практические сведения, астрономию, магические ритуалы, медицину и т.д. Всех этих знаний можно было достичь только путем долгого ученичества. Жрецы должны были подготовить себе преемников из членов своих семей — сыновей или племянников. При этом преемственность не осуществлялась автоматически, ее должны были подтвердить старейшины жреческих родов, которые выбирали кандидата, по их мнению, наиболее подходящего. Например, в восточно-африканских племенах шиллук и меру он носил титул *reth* или *mugwe*¹⁵ соответственно.

После того как жрец занимал свое положение, его наделяли особыми отличительными знаками, подобающими должности: раскраска тела, головной убор, особая одежда, посох и форма жилища. На него так же могло налагаться табу, например, запрет стричь волосы, касаться определенных предметов, которые считались нечистыми, есть определенные виды пищи или жениться на определенных категориях женщин. Его влияние зиждилось на представлении, что плодородие земель, плодovitость скота и

¹⁵ См.: L. Mair, *Primitive Government* (Harmondsworth, UK: Penguin Books, 1962), p. 63f.; E.E. Evans-Pritchard, *The Divine Kingdom of the Shilluk of the Nilotic Sudan* (Manchester: Manchester University Press, 1972), p. xviii.

людей зависели от выполнения ритуалов, которые мог выполнять только он, благодаря своему происхождению и обучению у предшественников. Как однажды сказал шаман из Баквейна (ныне Мали) исследователю Дэвиду Ливингстону, «благодаря моей мудрости, женщины становятся дородными и лоснящимися»¹⁶. Таким образом, существовала прочная связь между благополучием племени и его личным благополучием. Жрецы несли ответственность за своевременность определенных атмосферных явлений, например, дождя, без которого «не будет пастбищ у скота, коровы не будут давать молока, а наши дети исхудают и умрут, наши жены сбегут в другие племена, которые делают себе дождь и имеют зерно, и в результате все племя рассеется и пропадет»¹⁷. Если они не справлялись со своим долгом, их могли низложить, а на их место поставить кого-то другого.

Известны случаи, когда могущественные жрецы использовали свои предполагаемые магические силы, чтобы превратить свое влияние во власть и стать *de facto* вождями племени. Они выступали в качестве посредников, улаживали споры, представляли свой народ перед чужеземцами и подстрекали к действиям против других групп, включая организацию восстаний против имперских властей, в колониальную эпоху. И хотя из-за сакрального характера своего положения жрецы не могли выполнять функцию военных командиров или принимать участие в сражениях, они часто проводили церемонии начала и завершения войны, считавшиеся необходимыми соответственно в качестве санкции на предстоящее кровопролитие и в качестве средства примирения. За свое служение они могли получать дары в виде еды, так как часть подношений богам специально откладывалась для жрецов. Их вознаграждение так же могло включать в себя одежду, услуги — например, помощь при постройке жилья, а в некоторых обществах — женщин.

Тем не менее жрецы, сколь бы важным ни было их положение, не устанавливали обычаев, а лишь объясняли их и интерпретировали в соответствии с конкретным случаем. Они имели право требовать подчинения себе не больше, чем любой другой человек. Они не облагали людей налогами, не имели организованной свиты, которая могла бы приводить в исполнение их желания, и не могли осуществлять командование во время войны. Их оружием были убеждение и посредничество, а не принуждение; и поскольку санкции, которые они могли наложить, были исключительно сверхъестественной природы, их власть была гораздо слабее, чем

¹⁶ Цит. по: M. Gluckman, *The Allocation of Responsibility* (Manchester: Manchester University Press, 1972), p. xviii.

¹⁷ *Ibid.*

власть вождя или любого другого правителя в обычном смысле этого слова. Из описания пророком Самуилом тех порядков, которые установит надлежащим образом помазанный и коронованный царь, можно понять, чего он сам, будучи пророком, сделать не мог: «Вот какие будут права царя, который будет царствовать над вами. Сыновей ваших он возьмет и приставит их к колесницам своим и сделает всадниками своими, и будут они бегать перед колесницами его; и он поставит их у себя тысяченачальниками и пятидесятниками, и чтобы они возделывали поля его, жали хлеб его, и делали ему воинское оружие и колесничный прибор его; и дочерей ваших возьмет, чтобы они составляли масти, варили кушанье и пекли хлебы; и поля ваши, и виноградные и масличные сады ваши лучшие возьмет, и отдаст слугам своим; и от посевов ваших и из виноградных садов ваших возьмет десятую часть и отдаст евнухам своим и слугам своим; и рабов ваших и рабынь ваших, и юношей ваших лучших, и ослов ваших возьмет и употребит на свои дела; от мелкого скота вашего возьмет десятую часть, и сами вы будете ему рабами; и восстаете вы тогда от царя вашего, которого вы избрали себе; и не будет Господь отвечать вам тогда»¹⁸.

Племена с правителями (вождества)

Поскольку общественная структура племен без правителей была практически идентична структуре большой семьи, клана или рода, такие племена непременно были маленькими и редко насчитывали больше нескольких тысяч человек. Хотя, возможно, гоббсовское описание таких обществ, постоянно живущих в состоянии войны всех против всех, является преувеличенным, эти общества, безусловно, были децентрализованы, и те из них, которые находились хотя бы ступенью выше, чем групповые сообщества, часто были раздираемы междоусобицами. Военные действия были маломасштабными, и потери были невелики. Однако на протяжении существенных промежутков времени они могли представлять собой важный фактор мужской смертности.

Образ жизни этих племен, независимо от того, основывался ли он на охоте и собирательстве, скотоводстве, временном садоводстве или комбинации этих видов деятельности, требовал низкой плотности населения, широких свободных пространств и кочевого или полукочевого образа жизни. Поскольку развитых средств связи не существовало, присущая такому обществу тенденция к разделению и дезинтеграции была еще сильнее. Дезинтеграция должна была предотвращать доведение междоусобиц до крайней степе-

¹⁸ 1 Цар 8, 11–19.

ни кровопролития, наблюдавшейся в обществах с более развитой системой правительства. И в этом смысле такая система была не только недостатком, но и благом.

Что в военное, что в мирное время такие общества не были способны к согласованным действиям в масштабах, превосходящих уровень мужского братства; редкое исключение — просуществовавшая недолгое время Лига ирокезов на американском северо-востоке — только подтверждает правило. Небольшая численность населения, общая собственность на средства производства, такие как земля, лес и вода, и относительное экономическое равенство также препятствовали специализации и разделению труда, кроме того, которое во всех обществах основано на возрасте и поле. Поскольку каждое домашнее хозяйство в удовлетворении своих хозяйственных нужд практически полностью полагалось на себя, уровень жизни и развитие технологий оставались на уровне простого выживания. Какими бы ни были старинные добродетели, которые приписывали таким обществам западноевропейцы со времен Руссо и Дидро, с точки зрения исторических фактов они были и есть (те, которые еще выжили) наименее успешные из всех человеческих обществ. Только в тех регионах, где они не сталкивались с более развитыми формами правления — таких как Австралия, отдельные части Восточной Африки и равнины Северной Америки, — племена без вождей могли обитать на больших территориях и поддерживать свой образ жизни. Во всех других местах им суждено было быть оттесненными в джунгли, как в Южной Америке и Центральной Африке, в пустыни — как в Южной Африке, или на арктические пустоши — как в Гренландии, Канаде и на Аляске. И только на территориях с неблагоприятными условиями для существования некоторые из них могли существовать еще совсем недавно¹⁹.

Напротив, племена с правителями, называемые также вождествами, можно найти во многих уголках мира. К их числу относятся многие общества Юго-Восточной, Западной и Южной Африки, а также множество других в Юго-Восточной Азии, Полинезии, на Гавайях и в Новой Зеландии. Дополнительные примеры нам дает история, повествуя о племенах, разрушивших микенскую цивилизацию и правивших Грецией во время «темных веков»,

¹⁹ Идея, что простейшие племена без правителей в действительности являются остатками деградировавших более сложных обществ, рассматривается в работе: E.E. Service, *Primitive Social Organization: An Evolutionary Perspective* (New York: Random House, 1964). См. также: D.W. Lathrap, *The Upper Amazon* (London: Thames and Hudson, 1970); R.D. Alexander, *Darwinism and Human Affairs* (Seattle: University of Washington Press, 1979).

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru